

Войдя в «консультацию», Тимка с матерью направились в гардероб, где благополучно сдали свои вещи. Затем, оставив сына сидящим на кушетке, мать направилась в регистратуру получать свою медкарту. Тимка внимательно изучал «коридорные просторы» медучреждения, куда мужчин пускали неохотно, но, видя, что он был с «дамой», на это закрывали глаза. По коридорам проходили женщины с большими животами, и все они, несли свои дамские сумочки, свисающие на согнутой руке. Женщины были разные. И Тимка сделал для себя сразу несколько открытий относительно женщин. Первое заключалось в том, что все они были похожи по манере поведения, когда дело касалось моды. И второе, что они охотно беременели, как в раннем, так и в позднем возрасте, ибо природа брала своё. Он внимательно осматривал проходящих мамочек, в особенности их живот и перекатывающую задницу.

Смотря на них, он пытался угадать, что у той, или иной проходящей было под верхней одеждой. Вот, например, проходит женщина, лет тридцати. У неё крупные бедра, сама она невысокая. Грудь, примерно, четверка, живот уже большой, наверное, месяц пятый-шестой. В это время она прошла мимо и его взору предстала медленно удаляющаяся перекатывающаяся задница. «Так, что там у нас?» — задал себе вопрос Тим. Его цепкий охотничий взгляд скользил по объемному заду женщины и мысленно раздевал её. Вот он увидел сквозь юбку очертание трусиков. Они были широкими, хорошо поддерживающими и плотно облегающими ягодицы. «Так, что ещё?» — мысленно спрашивал он себя. И новый взгляд выдавал ему очередную тайну. С боков на трусиках шла обтягивающая ткань с ажурным плетением, а ещё просматривалась плотно и нежно обтягивающая ткань дородового бандажа, проходящая по животу и замыкавшаяся на поясице.

— Ну, что, заждался? — внезапно услышал он слова матери. — Пойдём!

Тимка поднялся с кушетки, и они пошли по коридору.

— Нам на второй этаж, — сказала она и взяла его под руку.

— Ну, пошли... — отозвался Тимка.

Они прошли мимо нескольких кабинетов, и подошли к лестнице. Мать аккуратно начала подниматься вверх, а сын шел позади, подстраховывая её. А сверху, навстречу им, спускалась та самая женщина, которую он только что изучал. Тимка, как замороженный, уставился на неё, и это слегка смутило женщину. Она посмотрела оценивающим взглядом сначала на мать, затем на Тимку и улыбнулась ему, словно говоря, — «Да, я всё понимаю. Вас, мальчиков, привлекают опытные женщины, только вот потом мы, бабы-дуры, залетаем...». Член у Тимки предательски начал вставать, топорща брюки. А женщина, прошла мимо и обдала ароматом прекрасных молодежных духов.

Наконец, они с матерью поднялись на второй этаж и повернули налево. Здесь было два кабинета, рядом с которыми стояли две большие кушетки. В коридоре никого не было, лишь в правом крыле этажа уборщица поливала цветы у окна и протирала подоконник. Мать подошла к двери, на которой было написано: «Гинеколог. Врач высшей категории Сидоренко А. Н.»

— Мне сюда, — сказала она, приводя себя в порядок. — Ты посиди пока здесь, или, если хочешь, выйди на улицу.

— Не знаю, мам. Если долго будет, то я, пожалуй, пойду на улицу. — ответил сын.

Мать постучала в дверь.

— Войдите! — раздался в ответ мужской голос.

— Ну, всё, я пошла, сынок. Дай мне пакет с моими вещичками.

Она открыла дверь и вошла.

— Здравствуйте, доктор! — услышал Тимка слова матери.

— А... это вы... Ну, здравствуйте — здравствуйте... — раздалось в ответ.

Внезапно дверь открылась и мать произнесла:

— Сынок, это, наверное, не скоро ещё. Иди, наверное, погуляй пока...

Про Тимку можно было много чего сказать, однако он мог быть кем угодно, но не глупцом. Он сразу сообразил, что это неспроста.

— Хорошо, мам! — ответил он и, поднявшись с места, направился к лестнице.

Удостоверившись, что сын ушел, мать закрыла дверь. Тимка, подождав несколько секунд, вернулся на прежнее место и внимательно вслушивался в звуки из-за двери. На его радость, замок в двери был с открытым лючком и давал, пусть небольшую, но возможность увидеть, что было там по ту сторону двери.

— ... амбулаторную карту и ложись. — услышал Тим обрывок фразы.

— Низ чего-то тянет... — говорила мать. — Молозиво замучило... лифчики уже замучилась менять... Всё, я готова!

— Так... Ну-ка, ну-ка, подойди! Дай-ка мне на тебя посмотреть, дорогуша... — услышал он слова доктора. — Хммм... ну, красава! Так... стрии на животе и бедрах у нас... отсутствуют. Хорррошо... Так... есть у нас небольшие стрии на груди, но это, скорее всего, от того, что частенько не носите лифчик, девушка. Анализы у нас в норме... Так... матка у нас в норме... тонус умеренный... хорошо... Дай-ка, я грудь твою пощупаю...

После этих слов Тимка прильнул к замочной скважине и замер. У стола в кресле сидел доктор, около него стояла мать. Он раздвинул свои ноги, чтобы мать подошла ближе, и бесцеремонно сжал её правую грудь и потянул к себе, мать же ничуть не сопротивлялась. Доктор смотрел на неё, а мать своими руками гладила его голову, уши и шевелила волосы. Затем доктор посмотрел на дойку, которую он сжал, и подставил ладонь под стекающее молозиво. Он сжал её снова и новая порция молозива стекла на его ладонь. Затем доктор поднес свою ладонь с молозивом к губам матери и сказал командным тоном:

— Лижи своё молозиво! Всё до капли!

И мать, даже не сопротивляясь, покорно опустила своё лицо в его ладонь и начала лизать, как кошка лижет молоко из блюдца. Когда ладошка была вылизана, доктор вновь поднес её к сочащейся дойке и начал сцеживать новую порцию молозива. Видимо, он очень сильно сдавил грудь матери, так как она слегка вскрикнула, но не попыталась отстранить его руку.

— Дддааа, умница моя! Хорошая лактация... прекрасно доишься... соски у тебя такие крупные и вытянутые... — слышались отрывистые возбужденные фразы доктора.

— Ну, а кто мне их вытянул... — учащенно дыша, улыбалась в ответ мать. — Мммм... Андрюшенька, я уж потекла вся...

— Да, я вижу... На, оближи! — доктор протянул матери вновь наполненную молозивом ладонь.

— Мммм... — начала лизать мать и затем произнесла — Ещё!

— Ещё? — спокойно переспросил доктор.

— Да, ещё... Андрюшенька, ещё... — закрыв глаза и облизывая ладонь с молозивом,

произнесла мать.

— Как скажешь, дорогая, сейчас будет тебе ещё... — спокойно произнес доктор, убирая свою ладонь от её губ.

Он начал пошлёпывать грудь матери.

— АААмммм... ннн... — застонала мать, а затем внезапно сказала. — Подои её... Да, ттааа... аак! НННааа... Дддаааа... ещё...

— Да, классные дойки... — спокойно произнес доктор, продолжая шлёпать болтающуюся грудь.

Затем он вновь принялся сцеживать её, но молозиво уже почти не поступало.

— Всё, эту выдоили полностью. А много у тебя молозива! Интересно, сама раздоилась?

— Да уж, сама, скажешь тоже! Муж у меня такой... резвый... — улыбалась мать.

— Ну, значит, повезло тебе! Редко бабам везет на мужиков... — сухо произнес доктор.

— Да уж, с мужем повезло... Жеребец ещё тот! Каждый раз трахает, как в последний...

— На, лижи! — прервал её речь доктор, поднеся свою наполненную материнским молозивом ладонь.

— Мммм... — замычала мать. — Как вкусно! Мммм...

— Тепленькое... свеженькое... — развратно произнес доктор.

Ладонь доктора была вылизана.

— Мне тут ребятки из Японии привезли одну чудесную вещицу. Если понравишься, тогда подарю.

— Какую? — с любопытством спросила мать.

Доктор поднялся и, подойдя к шкафу, достал коробочку. Он извлек оттуда штуку, похожую на молокоотсос, но только этот был немного больше. Он подошел к матери и произнес деловито:

— Подними-ка вымя! Вот таааккк... — он поместил чашечки молокоотсоса полностью на каждую грудь матери и нажал на кнопку пуск.

Послышалось легкое гудение, на самом деле это была вибрация.

— ООооййй... МММмммм... — закусила губу мать. — Сиську тянет... Ууууу... — Терпи... — холодно произнес доктор. — Просто у тебя одна грудь выдоена, вот она и сокращается вхолостую.

После этих слов, доктор нажал еще на одну кнопку и соски уже накаченной груди втянулись во внутренний с резиновыми краями цилиндр поменьше и подверглись дополнительной нагрузке.

— УУУУууу... ЙЙЙЙййй... ааааа... — застонала мать. — Андрей, всё... У меня сиськи сейчас взорвутся!

— Терпи-терпи... Тебе рожать ещё! Посмотри, лучше, на своё вымя! Какое оно стало большое и румяное...

— Аааааннннн... ххххннннАААА... ЙЙЙЙааааа... мммм... — стонала мать, но терпела, держа доктора за плечи.

В этот момент гинеколог нажал на третью кнопку и звук прекратился.

— А теперь смотри сюда! Смотри на своё вымя...

В это время соски матери словно взорвались. Из них буквально хлынул поток молозива, наполняя емкость, которая была соединена трубками с чашечками, в которых были натруженные груди матери.

— Ну, как тебе? — засмеялся доктор, смотря на реакцию матери.

— ОООоооо... УУУУааааа... Я чувствую себя коровой... Ну... вообще... НННннн... аааа...

Емкость была наполнена наполовину и поток начал иссякать.

— Ну, вот тебе и весь фонтан... — сказал доктор. — К слову, у японок бывали надои до 120 мл за раз... У тебя с одной, считай, груди 30 мл молозива. Это ооочень хорошо, просто здорово!

— Уууффф... ффф... — дышала мать. — Ну, что... ффф... ффф... прошла я тест?

— Да, от своих слов не отказываюсь! Дарю его тебе! — и он убрал с груди матери чашечки молокоотсоса.

Тимка обалдел! Её груди были покрасневшие и они стали больше! Доктор самодовольно пошлепывал их.

— Ну, давай, иди на кресло, моя хорошая... — раздобревшим голосом произнес он. — На, возьми полотенце, вытри сиськи!

В этот момент мать зашла за ширму, за которой находилось кресло для осмотров, и Тимке ничего не оставалось, как наслаждаться только негромкими звуками, доносившимися из-за двери.

— Давай, положи ножку сюда, дорогая... Да, вот сюда, повыше. Что-то ты уже подзабыла, что-ли?

— Ну да... — смеялась мать. — Чай, не часто здесь бываю...

— Вооот... Я тебе ещё ножки пошире разведу... чтобы плотнее было. Повыше ножки тебе сделаю... ввоооттг, ттаааакккк...

— Оу... — отозвалась мать. — Я тут у тебя, часом, не рожу? Ууууффф...

— Вагину пониже... вот так, двигай ко мне, чтобы я мог... Пониже, пусть спина немного навису побудет, ногами поддерживай... Вот так, держи! Оооо!... Боже мой, какая же ты мокрая... Кто же тебя так разработал, дорогуша...

— Это мой ненаглядный... фистинг любит... а я зашивать не стала... хочу, чтобы была такая, какая есть. Не девочка, поди, уже... Фффф... Мммм...

— Да уж, не девочка... оооуууу, как горячо... шейки касаюсь... оооууу... йесс... йесс... йесс...

— Аааайй... УУУууу... — раздалось в ответ. — Ты что, негодник, в матку хочешь войти?

— Хххааа... а ты знаешь, что, в принципе, это возможно... Ой, господи, как у тебя там горячо! йесс... йесс... Дддаааа!

— Ооооууу... Нннааайй... — услышал он мать. — И что, ты сам пробовал?

— Что? — переспросил доктор.

— Ну... прямо в маат... кууу...

— Нннееттт... я ссаааммм ннееттт... у друуу... гаа... ееесть... касс... еетт... тааа, на нейй... баб бере... менн... нных... траа... хааа... ютт в маат... кууу... Могу взяая... ть пос... мот... реть...

— ООУууу... МММмммаааа... и что, бабам нрааа... вит... ся... ааа... ? Дда... ааа... ? — спрашивала мать.

Тимка внезапно осекся. Видеокассета, на которой беременных баб трахают в матку мигом отрезвила его. В голове молниеносно созрел хитроумный план. На лестнице послышались шаги. Это поднималась на осмотр очередная женщина. Тимка быстро присел на кушетку и, как ни в чем не бывало, принялся разглядывать плакаты.

Каково же было его удивление, когда на этаж поднялась та женщина, которая уже дважды встречалась сегодня. Она тоже узнала его и улыбнулась, вновь встретившись глазами.

Незнакомка посмотрела на свою медицинскую бумажку, которую держала в руке и

направилась к соседней двери. Она постучала в дверь. Дверь открыла врач — полная женщина лет сорока пяти.

— Здравствуйте, Марина Александровна. — произнесла пришедшая, протягивая врачу бумажку в своей руке. — Я пришла по направлению.

— А, мадам Филиппенко! — отозвалась врач, бегло читая текст. — Опять к нам? И кто же вам дал направление? Так, доктор Сидоренко... Понятно.

Врач очень смутилась и опустила руку, посмотрев на дверь, где в этот момент была мать Тимки с доктором.

— Сидоренко, понимаешь... Да... — она не находила нужных слов и активно жестикулировала при этом. — К нему бы и шли на осмотр! Ладно, подождите здесь в коридоре, я вас вызову.

Дверь закрылась, и женщина присела на кушетку, ожидая вызова. Тимка с любопытством смотрел на неё.

— Что? Нравлюсь? — спросила женщина, подняв глаза и нарушив долгое молчание.

— Н... да. — спокойно отвечал Тимка. — В роддом?

— Хм... Нет, пока только на осмотр. — улыбнулась она. — Затянула с выбором, а теперь уже 25 недель.

— Ну и рожайте себе на здоровье! — сказал Тимка.

Женщина улыбалась, глядя на Тимку.

— Ну, а что? — наивно поинтересовался Тим.

— Да вам, мужчинам, не понять! — продолжала женщина. — Вам так легко рассуждать. А, вот, подруги осуждают, да и на работе осуждают... Просто, пиздец! Извините, конечно...

— Вообще, конечно, ваше тело — ваше дело! — улыбнулся Тимка. — Только, это, пожалуй, тот случай, когда ошибку уже не исправишь, а бед можно натворить ещё больше.

— Вот, вы единственный, кто понимает... — ответила она. — Я сама такого же мнения. Только... не все так просто.

— Да просто! Что для вас важнее жизнь безгрешного ребенка, или мнение окружающих друзей и подруг? — продолжал Тим.

Воцарилась пауза, которую нарушали только редкие шорохи убирающейся вдали уборщицы.

— Я видела вас на лестнице... с вашей женой. — внезапно произнесла незнакомка, вновь нарушив тишину. — У вас это первый ребенок?

— Нет, уже третий, — не совсем поняв вопрос, ответил Тимка.

Женщина удивленно подняла брови.

— Извините, конечно, но все-таки... — на мгновение она осеклась. — Позвольте неприличный вопрос?

— Да, пожалуйста! — с легкостью ответил Тим.

— Вы любите женщин... постарше?

— Люблю таких женщин!

— А можно спросить «почему»? — продолжала незнакомка.

— Да просто они уже опытные во всех делах и с ними можно всё! — спокойно отвечал Тим.

— Но, ведь, она годится вам в матери! — произнесла женщина.

— А это и есть моя мать... — произнес Тимка и осекся.

Он сообразил, что сейчас должна себе вообразить эта женщина, глядя на него, после его ответов и при виде беременного живота матери.

— Но... — осеклась женщина и уставилась на Тима.

Тим смотрел на неё и уже хотел сказать, что она не так его поняла, но... Он решил дальше продолжить игру вопросов-ответов и, глядя в упор на женщину, произнес:

— Да, это моя мать.

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами, сканируя вновь и вновь в своем мозгу произнесенную незнакомцем фразу.

— Случайно? — внезапно, после долгого молчания произнесла она.

— Не совсем понял вопрос? — спокойно произнес Тимка.

— Ну, порвался презерватив, или как? — скорее по инерции, чем по своей воле спрашивала незнакомка.

— Нет, мы не предохранялись... — продолжал играть Тимка.

— И она решила рожать? — удивилась женщина, серьезно воспринимая ответы незнакомца.

— Да, — с безразличием отвечал Тимка. — А что тут такого? Сейчас многие матери рожают от своих сыновей.

— В смысле? — не поняла незнакомка.

— Ну, у меня есть друг. Его отец крупная шишка. Он почти всегда на работе. А матери тепло и ласка нужна. Вот они и ласкали друг-друга, пока отец на работе пропадал. И доласкались, что сейчас она тоже беременна. Тоже рожать будет. — Да вы что! — удивилась она придуманному налету рассказу Тимки.

— Ну, а у вас что? — задал в свою очередь вопрос Тим. — Муж не хочет, или залёт от любовника?

— А у меня тоже... — начала было она, но осеклась. — Нет, мужа у меня нет. Живу с двумя детьми, проблемы с работой. Старший утром в колледже, а после обеда занимается, да с младшим сидит, а я после обеда работаю. Младший болеет, приходится сидеть на больничном. Какой начальник такую захочет терпеть на работе? Вот и прыгаю с одной работы на другую.

Она окончила фразу и опустила голову. Однако, цепкое ухо Тимки, услышав всю фразу, моментально выделило главное, а именно — её начало.

— По ночам, надо полагать, работаете? — спокойно спросил Тим. — Поэтому, «у вас тоже...»?

Женщина медленно подняла голову и пристально посмотрела на Тимку. Она сидела и молчала, изучая собеседника. Потом приподнялась и медленно пересела на кушетку, на которой сидел Тим.

— А что, действительно так заметно? — притихшим голосом спросила она.

— Что именно? — не понял Тим.

— Ну, что я занимаюсь проституцией?

— Нет, ну это понятно и без слов. Молодая, красивая женщина, которую ругает врач, у которой большой срок, что характеризует вас, как либо чрезвычайно занятую, либо, как женщину с недостатком средств.

— Ну, прямо, Шерлок Холмс! — удивилась женщина.

— Но я просек главное! — самодовольно и твердо произнес Тим.

— Что именно? — заволновалась женщина.

— Эта ваша фраза: «а у меня тоже...», которую вы не смогли удержать, дала мне повод предположить, что вы беременны... от собственного сына.

— Да вы что! — вспыхнула женщина, резко поднявшись, и гневно смотря на своего «детектива».

— Именно так, а не как иначе. От старшего, надо полагать? — спокойно закончил Тимка. Женщина, нервно дыша, опустилась на кушетку. Её голова обессилено упала на грудь. И, всхлипнув, она произнесла:

— Да... это правда... При всей дикости ситуации, это правда. Но, я прошу вас никому об этом не говорить!

— Да о чем вы! Всё это касается только вас и никого больше! — ответил Тим. — Не переживайте!

— Спасибо... А вы, я вижу... мужчина положительный... — начала было она.

— Скажите это моей матери... — улыбнулся Тимка. — Не волнуйтесь!

— Спасибо вам! — смотря ему в глаза, поблагодарила женщина.

— Да всё нормально! — успокаивал её Тим.

— Я так проклинаяю себя, что дала слабину!

— А как это произошло? — поинтересовался Тимка.

— Ну... Как это у вас мужиков делается? Напором берете. Под Новый год, помню, елку наряжали, должны были подруги придти. Сама наряжалась, готовила. Старший продукты приносил, елку наряжал. И никто не пришел! Никто!

Женщина всхлипнула и, спустя некоторое время, продолжила свой рассказ.

— Села я, значит, со своими мальчиками за стол. Они давай еду уплетать, а мне кусок в горло не лезет. Так всё опостытело! Я и налила себе бокал шампанского, затем ещё. Так и не заметила, как всю бутылку опустошила. Чувствую, встать из-за стола не могу уже. Вдруг вижу, старший сынок подходит ко мне и пытается помочь подняться. У меня в голове всё кружится, соображаю плохо. Не помню точно, как добралась с ним до постели и рухнула на неё.

Тимка с интересом слушал рассказ женщины, и в нем просыпалось чувство. Нет, не чувство похоти, а сострадания. Скорее, он переживал за неё, нежели презирал или хотел её.

— Утром просыпаюсь, а у меня между ног всё слизкое и липкое. Сначала подумала, что это очередной «клиент». С трудом поднялась, пошла на кухню. Поставила чайник. Затем пошла в ванную, подмылась. Потом своих мужичков подняла, сели завтракать. Сидим, завтракаем. И вижу, старший сын смотрит на меня как-то не так. Улыбается, в глазах огонек играет. Я ещё подумала: «Ничего себе! В шестом классе, а взгляд такого кобеля, что...». Потом стою, посуду мою. А он подходит и спрашивает: «Ну, как мам? Тебе понравилось?». Ну, словом, поговорили мы. Я в шоке была! Целый день не разговаривала. А вечером он сам подошел ко мне и начал приставать. Вот так и получилось всё. Сейчас я с пузом, а соседи таращатся и судачат. На работе аборт советовали сделать. А я из-за нерешительности упустила время, а на учет не вставала, думала, что успею. Вот и вся история, собственно...

— Да, история... А как вас звать? — спросил Тим.

— Рита. — коротко ответила женщина.

В это время открылась соседняя дверь и раздалось:

— Филиппенко, заходите!

— Ну, я пошла. Поговорила с вами и как-то легче стало. — поблагодарила она, поднимаясь. — Да, если я вам... интересна... ну... как женщина, вечерами я бываю около гостиницы «Сокол». Если что — приходите! Я и сейчас работаю... обслужу по высшему классу...

— Удачи вам! Всё будет хорошо! — произнес Тимка в ответ.

— Спасибо вам! — обернулась она у двери и закрыла за собой дверь.

Тим сидел и переваривал такой внезапный диалог, который никоим образом не вписывался в его естественный ход понятия вещей. Здесь, сейчас, только что он общался с женщиной, которая призналась, что была беременна от собственного сына! Мысли неслись в голове с чудовищной скоростью, опережая одна другую. «Как такое возможно? Может, она тоже меня разыграла, как и я её?» — думал он. «Нет, не может быть! Она была так естественна.»

— ... Да, Андрей Николаевич, я всё поняла. — услышал он слова матери, у двери кабинета.

Тимка, не долго думая, быстро вышел на лестничную площадку и сделал вид, что он здесь уже давно. Когда он увидел мать, вышедшую на лестницу, весь его вид показывал невозмутимое спокойствие.

— Ну, заждался, сынок? — услышал он такой довольный голос матери.

— Да, есть немного. — ответил он и обратил внимание на лучезарную улыбку матери.

Такой довольной свою мать он видел не очень часто. Его взгляду предстало плотно облегающее платье и торчащие соски.

— Всё хорошо? — спросил он, глядя на мать.

— Всё прекрасно, сынок! — улыбнулась мать. — Ну, что, прогуляемся на речку?

— Конечно, на речку, мамочка. — машинально ответил Тимка.

И, покинув «консультацию», они зашагали по направлению к парку около реки. Река была небольшой, и переплыть её не составляло большого труда. Наличие рыбаков на берегу было обычным явлением. Это были и солидные мужчины и мальчишки-школьники. Чуть поодаль располагался тростник с камышом. Это было излюбленным местом встречающихся пар, поскольку это место давало возможность оставаться незаметными для окружающих и в то же время предаваться плотским утехам на воздухе, около плескающихся речных волн. Все мужчины знали это место, и существовало негласное правило, согласно которому пару, которая пришла и заняла место, никогда не выгоняли. Конечно, место было не одно, но именно «козырных» мест в «тростниковой роще» было три. В одно из таких мест и решил сводить свою мать Тимка. Пара медленно дефилировала по набережной, привлекая взгляды и улыбки многих мужиков. Мать всю дорогу благостно и умиротворенно улыбалась.

— Mam, ты прямо цветешь и пахнешь! — улыбался Тимка.

— Ммм... А что, сынок? Mamочке сейчас действительно так хорошо!

— Это на тебя так осмотр повлиял, или доктор был сама любезность?

— Ты о чем? — внезапно спросила мать, перестав улыбаться.

— Ну, мало ли... — начал Тим. — Вам, женщинам, виднее...

Мать, задумчиво глядя на сына, перебирала в голове возможные варианты, послужившие причиной данного вопроса. Затем её лицо расплылось в приятной улыбке. И с ехидным прищуром, она спросила:

— Подглядывал, что ли?

Тимка, глядя на улыбку матери, обезоружено кивнул.

— Кобель... — засмеялась мать. — Ээххх, мальчишки-мальчишки... Ну и как? Интересно, было смотреть?

— Очень! Mamочка, ты у нас самая красивая! — льстиво произнес Тимка.

— Ладно-ладно, подхалим! — улыбалась мать и потрепала сына по голове. — Ну, ты же не расскажешь отцу, правда?

— Ну,— скорчил задумчивое лицо Тимка и тоже улыбнулся. — Мне бы очень не хотелось.

— Ах ты, шантажист! — засмеялась мать.

— Нет, я просто молодой самец... — вальяжно произнес Тим.

— Ммм... понятно. А я, в таком случае, тигрица у которой течка. — смеялась мать.

Так за разговорами они подошли к камышам.

— Подожди, я разведую, — деловито произнес Тим и, немного отстранив мать, осторожно шагнул в камыши.

Он медленно протискивался сквозь высокую траву и прислушивался. Было тихо, лишь всплеск волн, да легкий гул моторки вдалеке нарушали эту тишину. Вот уже и последняя преграда на пути была пройдена, и Тимка вышел на поляну из примятой травы. Его радости не было предела, она была абсолютно свободна! Поодаль в кустах валялись пивные банки, женские трусики, использованные презервативы, порванные лифчики. Само место было чистым и ухоженным. Поразительно, но любовные пары поголовно чтити неписанный кодекс и убирали за собой место имения. Поэтому на самом месте всё было чисто и прилично. Тимка ещё раз окинул взглядом окрестности и, убедившись, что никого нет поблизости и с дороги ничего не видно, поспешил назад к матери. Она его уже ждала, поэтому, когда он показался из кустов, первым вопросом было:

— Как ты, сынок?

— В порядке, мам. Место нашел, оно пустое. Пошли, только осторожно, трава жесткая. Иди за мной!

И он зашагал впереди, раздвигая кусты и давая возможность матери безопасно протискивать свой живот между кустов тростника. Наконец, они вышли на поляну.

— Мдааа... — произнесла мать. — Это сколько же блядей здесь побывало?

— Не знаю и знать не хочу! — отрезал Тимка. — Важно, что это наше место и оно не видно.

Мы просто отдыхаем...

— Да уж, просто... — съехидничала мать. — Знаю я тебя, сорванца!

— Ну, не без того. — спокойно улыбаясь, отозвался Тимка, раздеваясь.

— Вот то-то и оно! — сказала мать, поглаживая свой живот. — Что-то живот тянет...

— А меньше нужно было доктору членом в матку тыкать! — огрызнулся Тим.

— Да ладно тебе! Это не от этого, это у нас, баб, бывает периодически. Это матка у нас растягивается, плод же растет.

— Понятно, мам. — сказал Тимка, снимая штаны и оставаясь в одних плавках. — Ну, если ты не против, я немного искупнусь?

— Давай, сынок, а я здесь посижу. Воздухом подышу.

И Тим, поцеловав мать, раздвинул кусты и вышел с поляны прямо к реке. Он сделал пару прыжков и бухнулся с разбега в воду. Мать услышала радостные всплески и довольные звуки сына. «Господи, какой же он ещё ребенок!» — подумала она. Тимка с удовольствием плавал в речной воде, норовя достать со дна красивую ракушку. Солнце припекало, но он не чувствовал этого. Вода была теплой и прозрачной. В освещенной водной глади невооруженным взглядом было видно, как некоторые рыбы играли на глубине. Время летело незаметно. Тимка, вдоволь наплававшись, вышел из воды и зашел на поляну. Мать лежала под кустом, чтобы солнце не опаляло её. Она сняла своё платье и сейчас лежала в трусиках и в белом родовом бандаже. При виде такой картины, у Тимки моментально встал член, но, видя, что мать отдыхает, он молча прилег рядом на спину, подставив свой живот и плавки палящему солнцу. Он закрыл глаза и тихо лежал.

— Ну, что? Красивая я? — услышал он вопрос матери.

— Ты очень красивая и сексуальная, мамочка. — ответил Тимка, не открывая глаза.

— И даже сейчас, когда я дала тебе? Даже сейчас ты любишь меня? — вновь спросила она.

— А что изменилось? — спросил сын и, улыбнувшись, продолжил. — Я просто узнал тебя больше и глубже.

— Пошляк! — услышал он смех матери. — Ну, положим, я, конечно, сама виновата...

— Да ни в чем ты не виновата, мам! — начал было Тимка.

— Ты плавки-тоними! — перебила его мать. — Пускай тело дышет...

Тимка легким движением снял с себя плавки и лег, чувствуя прекрасное дуновение ветерка, обдувающего нагое тело. Солнце припекало и его теплые лучи ласково «гладили» Тимку. Под это блаженство он не заметил сам, как задремал. Он не помнил, сколько он спал, но проснуться его заставило нежная приятная истома, охватившая низ живота. Тимка открыл глаза и посмотрел на свои ноги. Он увидел материнские руки, ласкающие его живот. Голова матери погружалась на его член. Её язык щекотал уздечку и играл с членом, перекладывая его из стороны в сторону, словно конфету.

— Оу, мамочка... — застонал Тим. — Ты просто прелесть! Мне так хорошо... Такое блаженство...

— Мммм... какой он у тебя стойкий. Как у отца! Такой толстенький и головка такая острая. Как копьё прямо...

— Давай, мамочка, соси его! Ты просто волшебница! — стонал Тим.

— Мммм... ннн... ннн... аааннн... — ритмично насаживалась мать.

Сейчас она положила член на язык и, откачав воздух, нежно елозила ртом, заглатывая воздух на выходе члена.

— Дддааа... Мамочка, да! Я люблю тебя! Родная... — стонал сын, обняв руками голову матери. Он был наверху блаженства, когда очередное движение губ взорвало член и наполнило рот матери белой и густой спермой её сына.

— Мммм... — зарычала она, не раскрывая рот и глотая всю порцию. — Уууу... фффф... Ну, ты круто кончаешь, сынок! Такая она у тебя вкусная... Немного соленькая...

Тимка лежал и ловил кайф. Живот и ноги периодически немного содрогались. На лице была приятная истома, он улыбался, нежно шебурша голову матери.

— Спасибо, мамочка... Да, ты мастер своего дела... Недаром отец тебя так неистово трахает... Да этот доктор ему в подметки не годится!

В этот момент Тимка почувствовал, как член, находившийся всё это время во рту матери, выпал изо рта. Мать подняла свое лицо и смотрела на сына.

— Ты серьезно всё видел? — спросила она.

— Конечно видел, мамочка! — утвердительно произнес сын.

— Понимаешь, зная отца... — начала было мать. — ... Одним словом, мне бы не хотелось, чтобы отец узнал об этом.

— Да не волнуйся, не узнает! Я тоже не хочу ваших с ним разборок. Ещё не известно к чему они могут привести. Только...

— Что «только»? — перебила мать.

— Только... Давай становись рачком, мамочка. — деловито произнес Тимка, поднимаясь на колени. — Буду тебя дальше осваивать. Как там поживает наш анал?

Мать оценивающе посмотрела на Тимку, затем что-то про себя решила и в итоге произнесла:

— Ладно, видимо, я попала между двух огней... Можно мне бандаж не снимать, или... ?

— Разрешаю... — снисходительно произнес Тимка.

Мать сняла трусы и приняла позу, указанную сыном. Тимка медленно подошел к ней сзади, обхватил её ягодицы, помял их. Затем он медленно смазал слюной свои пальцы и, вальяжно плюнув на шоколадный глаз, растер слюну пальцами.

— Да, мамочка! Чувствую, до меня здесь побывало народу не мало. — произнес он, приставляя член к анусу и надавливая на него.

— Мммм... ооууу... — услышал он.

— Терпи-терпи... — властно произнес он, толкая член вперед. — Это я ещё не весь его ввел.

— Оооууу... — стонала мать, уткнувшись головой в траву. — АААааа... оооооууууу...

— Йес-йес... — подражал Тимка словам доктора.

— Аааауууу... — терпела мать и, превозмогая боль, насаживаясь на вздыбленный член сына.

— Классно подмахиваешь, мамочка! — обрадовано говорил сын и ритмично вновь и вновь вгонял свой кол в материнское дупло.

— Оооййй... сыночек, аккуратнее... — стонала мать. — Я же родить могу... внезапно...

— Не родишь! Доктор сказал, что матка в умеренном тоне... — отвечал сын, продолжая трахать мать.

— Ооойййй... АААааанннн... нннмммм... ААААйййй... — стонала мать и молча терпела боль, понимая, что попала на крючок.

Между тем, Член Тимки начал усиленно пульсировать и извергать сперму внутрь матери.

— О, черт... Аааауууу... как хорошо-то... Ууууу! — выл Тимка, продолжая вгонять член до упора и выдаивая из него всё до последней капли.

Мать, продолжая стонать, насаживалась на член и чувствовала, как сперма вытекает из ануса и стекает по ногам.

— Возьми его! — приказал Тимка, вытаскивая член и подставляя ко рту повернувшейся матери.

— Мммм... — застонала мать, засасывая его и высасывая последние капли спермы.

— Вкусно? — смеялся Тимка. — Наедаешься?

— Мммм... Ддааа... — стонала мать.

— Высасывай его весь, оближи всего! — командовал Тимка. — Про яйца не забудь!

Мать полностью вылизала весь член и его окрестности.

— Ууфф... — обессилено рухнул на траву Тимка. — Как здорово!

Рядом на траву повалилась мать. Её лицо было всё измазано в сперме, губы и ноги слипались от слизи. Она была вымотана и лежала неподвижно. Малейшее шевеление вызывало у неё неприятную ломкую боль. Губы сводила неприятная ноющая боль, вызванная напряжением мышц при минете. Одним словом, наша парочка лежала и отдыхала от трудов праведных.

Прошло около часа, прежде чем мать обнаружила, что Тимки нет на месте. () Однако, она успокоилась, когда услышала всплеск воды и радостные возгласы резвящегося сына. Её тело уже не болело, а засохшая сперма походила на какую-то чешую. На поляну вышел Тимка и принес полную бутылку воды.

— На, мам, подмойся! — протянул он бутылку со словами.

— Спасибо, сынок... — приняла она бутылку.

Конечно же, одна бутылка не смогла полностью смыть остатки бывшего разврата, и Тим еще дважды ходил и набирал её. Когда процедура омовения была закончена, парочка стала

собираться домой.

— Ма... ! — произнес Тимка.

— Да, сынок? — повернулась мать, одевая платье.

— Спасибо тебе за всё!

— Не за что! — улыбнулась мать. — Обращайтесь, если что.

И наша парочка вышла из тростника и мирно зашагала домой.

— Кстати, мам! — произнес Тим по дороге.

— Да, дорогой?

— Ты позвони доктору и попроси у него эту видеокассету.

— Хммм... негодник. — улыбнулась мать. — И тогда мы с тобой в расчете? Ты не скажешь отцу?

— Ну, если ты заберешь эту кассету, то... пожалуй, да, я не скажу отцу! — утвердительно сказал сын.

— Ну, тогда сегодня же позвоню! — заверила его мать.

Набережная уже заканчивалась, редкие влюбленные пары наслаждались вечерней прохладой. Пение кузнечиков уже начинало уступать сверчковым трелям, и лишь рыбаки, по-прежнему молча, стояли и внимательно следили за своими поплавками, в глубине души завидуя тем, кто поймал большую рыбу, чем они сами.

(продолжение следует)